

УДК 54:01

ББК 75.6

Муратова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук,

доцент

кафедра общего и русского языкознания

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

г.Витебск, Беларусь

Muratava Helena Yuryevna

Candidate of philological sciences,

Associate professor

The chair of general and Russian linguistics

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Vitebsk, Belarus

muratova@tut.by

Аллотропичный потенциал грамматических средств в лирике

М.И.Цветаевой

Allotropichny grammatical potential in the lyrics M.I. Tsvetaeva

В статье обосновывается новая концепция по определению семантической сложности поэтического текста; вводится термин аллотропичность поэтического текста; дается определение аллотропичного текста; выявляются основные языковые маркеры аллотропичности; предлагается формула определения аллотропичности поэтического текста; исследуется роль окказиональных существительных в формировании аллотропичности поэтических текстов М.И. Цветаевой.

The article explains the new concept to determine the semantic complexity of the poetic text; introduced the term allotropichnost poetic text; given specified allotropichny text; identifies the main linguistic markers of allotropichnost; proposed formula for determining allotropichnost of poetic text. We investigate the role of occasional nouns in the formation of allotropichnost poetic texts M.I. Tsvetaeva.

Ключевые слова: аллотропичность, маркер аллотропичности, анализ, окказиональное существительное.

Key words: allotropichnost, marker, analysis, occasional noun.

Для русской поэзии XX века характерны не только новые темы и образы, но также иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык, который стал реализовываться как сложная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания. В связи с этим в своей исследовательской работе в целом мы пытаемся разработать и обосновать концепцию, в основе которой лежит по-

нятие **аллотропичность текста**, вводимое нами для определения степени сложности поэтического текста.

Термин **аллотропия** возник в естественных науках: «Аллотропия (гр.allos -- другой, + trope, tropos – поворот) – свойство некоторых химических элементов в свободном виде существовать в нескольких видоизменениях, различных по физическим и химическим свойствам, напр., углерод существует в виде угля, графита и алмаза» [1. С. 34].

Аллотропичный текст – это текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами.

Выявляются 6 основных маркеров аллотропичности: неузуальные синтагматические связи лексем; специфическое проявление и оформление грамматических категорий; влияние означающего (фонетический облик слова) на означаемое (лексическое значение); лексикализация; интертекстуальность; дискурсивность. Для определения аллотропичности текста нами вводится **коэффициент аллотропичности K_a** , который определяется формулой: A/N , где A – количество маркеров, N – количество строк. Чем больше соотношение A/N , тем выше степень аллотропичности текста.

В данной статье мы хотим остановиться на исследовании роли окказиональных существительных в формировании аллотропичности поэтических текстов М. Цветаевой.

Поэтические тексты М. Цветаевой – это предельная свобода в отношениях с языком, осознание языковой изменчивости как возможности нового познания, как процесса и результата мыслительной рефлексии, как пути сотворения нового вербального мира. Во всех 1448 поэтических текстах М. Цветаевой нами зафиксировано 1217 новообразований, из них 493 представляют собой имена существительные, которые составляют 40,5 % от всех окказиональных образований поэта.

Характерной приметой идиостиля М. Цветаевой является соположение в рамках одной-двух стихотворных строк однокоренных слов (узуальных и окказиональных): *Гей, постреленыш!* / *Плеть моя хлестка* / *Вся некрещеность!* / *На перекресток!* Данный контекст имеет два явных маркера аллотропичности: окказиональное существительное *некрещеность* и соположенность однокоренных лексем *некрещенность* и *перекресток*; коэффициент аллотропичности = 0,5. Кроме того, усиление аллотропичности происходит за счет не характерного для узуса употребления прилагательного *хлесткий* в краткой форме и использования трех (из четырех) односоставных восклицательных предложений.

Зоной возникновения новых смыслов в данном четверостишии являются две последние строки: *Вся некрещеность!* / *На перекресток!* Новообразование *некрещеность* представляет собой окказиональный синоним разговорно-просторечному *нехристь*, которое имеет устойчивые значения: 1) человек не христианской веры, 2) человек, не верующий в Бога, 3) бессовестный, жестокий человек. Лексема *некрещеность* сохраняет все эти значения, но одновременно в ней, во-первых, актуализируется сема «не крестили, нет креста», во-вторых, благодаря суффиксу *-ость* появляется значение собирательности. Если *нехристь* – это кто-то один, то *некрещеность* – это множество неверующих людей. Собирательное значение усиливается синтаксической позицией обращения. Обе лексеммы находятся во фрактале «вне христианской церкви». Далее возникновение новых смыслов определяется соположением однокоренных слов *некрещеность* / *перекресток*, усиливающих сему неверия и порождающих новые имплицитные смыслы: *перекресток* в народной традиции считался местом сбора нечистой силы, т.е. взаимоналожение значений лексем *некрещеность* / *перекресток* инициирует смысл язычества, его верований, традиций, примет. Одновременно в данных лексемах происходит актуализация корня *-крест-*. Крест – ярчайший и древнейший символ культуры, и уже в силу символичности ему присуща многозначность и расплывчатость семантических границ. Хотя обе лексеммы в своем словарном значении не выражают христианского понима-

ния креста, актуализация корня способна рождать многочисленные смыслы, присущие символу «крест».

Для адекватной интерпретации данного стихотворения необходимо учитывать очень неоднозначную позицию М. Цветаевой по отношению к церкви. «Понятие *внецерковность* у Цветаевой включает в себя пространственный образ, который выражает одновременно отдаленность, «отщепенство» и ощущение соучастия, принадлежности к церкви» [3. С. 401]. Она писала Б. Пастернаку, что чувствует себя хорошо в церкви только на паперти, придавая лексеме *паперть* символическое значение: в прежние времена паперть была тем местом, где разрешалось быть грешникам, т.е. *вся некрещеность* могла быть в церкви только в одном месте -- на паперти.

Но трансцендентные смыслы проявляются не в анализируемой фрактале «вне христианской церкви», а в совершенно другой – «духовная свобода». Связано это со способностью символов (в данном случае – креста) компактно выражать содержание, не поддающееся обычному языковому выражению, «...символ всегда больше, чем его непосредственный очевидный смысл» [4. С. 51]. «Крест олицетворяет Древо Жизни и Древо Пропитания, а также универсального архетипического человека, способного к бесконечному и гармоничному расширению как в горизонтальном, так и в вертикальном планах. Линия вертикальная - небесная, духовная и интеллектуальная, позитивная... горизонтальная является земной, рациональной, пассивной, отрицательной... Он олицетворяет духовное единство и интеграцию души человека в горизонтально-вертикальном аспекте, необходимом для полноты жизни. Крест - это фигура человека в полный рост; нисхождение духа в материю» [5. С. 342].

Человек нехристианской веры (или вообще неверующий) в социуме с сильными христианскими традициями всегда чужой, не такой как все. «Не такой как все» -- это возможность и способность быть предельно свободным, независимым от социальных штампов человеком. На поверхностно-понятийном уровне смысл строк *Вся некрещеность!* / *На перекресток!* можно попытаться

передать так: *Вам не нравится, что мы свободны? Так мы станем еще свободнее и независимее от ваших скучных мнений.* Во фрактале «духовная свобода» иной смысл получает и лексема *перекресток*. Перекресток во многих религиях и мифологии символизирует неизвестность, азарт, выбор, судьбу, неизвестность, сверхъестественные силы. К. Юнг считал перекрестки материализованным символом единства противоположностей. Часто перекресток может представляться образом человеческих страхов и надежд в момент выбора [6. С. 271]. Лирическая героиня как будто призывает духовно свободных людей (некрещенность) не бояться судьбы, неизвестности, делать свой выбор – «идти на перекресток». Для трансцендентных смыслов, которые хочет передать М. Цветаева в исследуемых строках, в языке нет соответствующего слова, но созданный поэтом окказионализм *некрещенность* в наибольшей степени позволяет хотя бы отчасти вербализовать глубинные содержания.

Достаточно часто при создании окказионализма поэт не ставит задачу передать трудно вербализируемые глубинные смыслы, а хочет когнитивно «соединить» смыслы, существующие в разных узуальных лексемах. Но поскольку такое «соединение» является не механическим сцеплением, а сложным лингвопсихологическим образованием, то результатом новообразования является появление новых сложных смыслов. Примером такого окказионализма является лексема *озорь*:

*В черной шали, с большим розаном
На груди – как спадет вечер –*

С рыжекудрым, розовым

*Развеселым озорем
Разлюбезные – поведу – речи*

В данном контексте 2 маркера аллотропичности: окказионализм *озорь* и звуковой повтор сонорного *р* (*розан, рыжекудрый, розовый, развеселый, озорь, разлюбезные, речи*); $K_a = 0,4$. Лексема *озорь* отмечается в словаре В. Даля:

«озорить: буяннить, драться, буйствовать; озорник, озорница, озорь, озорокь – название лица по глаголу» [7. С. 520]. «Что значит *озор* вообще – сказать невозможно, не сказав тут же, что значение этой основы всегда дано только вместе с какой-либо из модификаций, которая вносится в него суффиксами *-ство-, -ной-, -ник-, -ничать* и т.д.» [8. С. 436]. Иными словами, в современном русском языке корень *-озор-* является связанным и встречается в словах *озорник, озорничать, озорной, озорство*. М. Цветаева освобождает связанный корень, в котором исчезает содержание «ребенок» и создает слово *озорь*, которое сохраняет этимологию озорника, но при этом утрачивает сему детскости, в результате чего рождается образ молодого мужчины – «развеселого озоря».

Исследование окказиональной грамматики Марины Цветаевой показывает, что языковые модификации никогда не являются у нее самоцелью, поскольку цель у поэта всегда одна – передать суть: «суть перекрикивает». Именно феномен М. Цветаевой как поэта, постоянно стремящегося вырваться из власти языка определяет многоуровневую окказиональность ее поэтики.

Высокая словотворческая активность М.И. Цветаевой доказывает, что, хотя в языке заложено много способов передачи одного и того же смысла, но часто случается так, что их все же бывает недостаточно, чтобы выразить то пограничное, то только постигаемое, то, «вырывающееся» из подсознания, что открывается внутреннему взору поэта.

Библиографический список

1. Большой словарь иностранных слов. М.: ЮНВЕС, 2004.-- 784 с.
2. Хаушильд К. "Внецерковность" Цветаевой и тема ереси в некоторых ее произведениях / К. Хаушильд // "Чужбина, родина моя!": эмигрантский период жизни и творчества Марины Цветаевой: XI Междунар. науч.-темат. конф., 9–11 окт. 2003 г.: сб. докл. / отв. ред. И.Ю. Белякова. – М., 2004. – С. 401–408.
3. Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 297 с.
4. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл. – М.: АСТ, 2004. – 655 с.
5. Тресиддер Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – М.: Гранд: Фаир-пресс, 2001. – 443 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – 7-е изд. – М: Рус. яз., Т. 3. – 1980. – 555 с.

7. *Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика / Г.О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 451 с.*

8.

Bibliography

1. Large dictionary of foreign words. M.: YUNVES, 2004. – 784 s.
2. Hauschild K. “Unchurched” Tsvetaeva topic heresy in some of its products / K. Hauschild // “Foreign Land, my native land!” Émigré period life and works of Marina Tsvetaeva: XI International Scientific Conference Theme, 9 – 11 okt. 2003 year: collection of reports / managing editor I. Y. Belykova. – M., 2004. – S. 401 – 408.
3. Jung C.G. Archetype and Symbol / C.G. Jung. – M.: Renaissance, 1991. – 297 s.
4. Hall J. Dictionary of subjects and symbols in art J. Hal. – M.: AST, 2004. – 655 s.
5. Tresidder D. Dictionary of symbols D. Tresidder. – M.: Grand: Fair-Press, 2001. – 443 s.
6. Dal V.I. Explanatory Dictionary of Russian language: in 4 volumes / V.I. Dal. – 7-th edition. – M.: Russian language, V. 3. – 1980. – 555 s.
7. Vinokur G.O. Philological studies: linguistics and poetics / G.O. Vinokur. – M.: Science, 1990. – 451 s.